

Почтительный и мягкий женский голос прервал его размышления. Тань Хуаньси очнулся и почувствовал, что его лицо мокрое от слез. Он встал, стараясь сохранять спокойствие, и, не глядя на служанку, выразившую беспокойство, повернулся спиной и сказал:

— Сначала отнеси пельмени в столовую, я умоюсь и приду.

— Хорошо, молодой господин! — служанка не осмелилась ослушаться, хотя с беспокойством смотрела на спину Тань Хуаньси. Молодой господин обычно был немногословен, но никогда не был строг с прислугой, относился к ним с добротой. Даже если они совершали ошибки, он не ругал их, если это не касалось принципиальных или моральных вопросов.

Тань Хуаньси быстро зашел в ванную и поднял глаза на зеркало. В отражении он увидел лицо невероятной красоты, которое даже словом «великолепное» было не описать. Такое лицо привлекало бы внимание где угодно. Он поднял руку и коснулся своих покрасневших глаз в зеркале, пальцы ощутили холод.

Сжав кулаки, он почувствовал, как ногти впиваются в ладони, вызывая острую боль, но она не могла сравниться с душевной мукой.

После самоубийства родителей он снял на оставшиеся сбережения старую квартиру и переехал туда с сыном. Он не боялся трудностей и был готов начать все заново. Он мог терпеть лишения, но не позволил бы сыну страдать. Однако судьба не дала ему шанса встать на ноги.

Тань Хуаньси давно знал, что пока он жив, те люди не оставят его в покое, боясь, что он вернет себе положение или отомстит. В тот день он, как обычно, поехал забирать сына из детского сада. Едва он отъехал, как понял, что с машиной что-то не так. Прежде чем он успел что-то предпринять, раздался взрыв, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, он стал гениальным скрипачом Тань Хуаньси из музыкальной семьи. В этот момент он успокоился. Пока он жив, все еще есть надежда. У него есть сын, и, несмотря на то, как сложится его жизнь и под каким именем он будет жить, он не откажется от поисков сына.

Однако его спокойствие длилось недолго. Когда он узнал, что с момента его смерти прошло три года, его сердце окаменело. Если бы не слабость тела, которое провело в коме почти три месяца, он бы, наверное, начал безумно смеяться, смеясь над тем, как судьба сыграла с ним злую шутку, дав ему надежду на новую жизнь, но отняв три года.

Три года. За три года он смирился с тем, что у него есть сын, наблюдал, как тот учится ходить, слышал, как он невнятно называет его папой, и сам отводил его в детский сад. За три года он потерял все свое состояние, его жизнь перевернулась, родители погибли, и он сам заплатил жизнью.

Судьба действительно не благоволит никому. Тань Хуаньси не был жадным человеком. Он уже прожил одну жизнь, и после непродолжительного отчаяния он быстро собрался с силами. Пока он жив, он любой ценой найдет своего сына. Как бы безумны ни были те люди, они вряд ли тронут трехлетнего ребенка.

Сжав кулаки, он заставил себя успокоиться. Как бы он ни торопился, ему нужно было терпеть. Сейчас он не мог действовать опрометчиво. Старик, искренне любивший прежнего Тань Хуаньси, возможно, не знал, но он, очнувшись в этом теле, понимал лучше всех, что автокатастрофа, в которую попал прежний хозяин тела, была не случайной.

В первые дни после пробуждения он даже чувствовал остатки сознания прежнего хозяина. Все

видели лишь блестящую жизнь гениального скрипача, но никто не знал, как сильно он сопротивлялся этой жизни. Ведь никто не хотел быть скованным семейной славой всю жизнь. Именно из-за сильного сопротивления прежнего хозяина он смог очнуться в этом теле.

Тань Хуаньси знал, что дело было не в том, что врачи не могли его вылечить, а в том, что прежний хозяин сам не хотел просыпаться.

Он выбрал бегство — бегство от титула «гениального скрипача», который стал для него тяжелыми оковами, бегство от судьбы, которую он не мог изменить, но и не смел сопротивляться. И то, от чего он действительно хотел убежать, было его истинным «я», которое он никогда не смог бы принять.

Тань Хуаньси вздохнул. Какое право он имел жаловаться на жизнь этого тела? Он и прежний хозяин были одинаково трусливы, иначе судьба не загнала бы их в тупик. Прежний хозяин полностью отказался от всего, а он сам был не лучше, все еще находясь в тисках судьбы.

Тань Хуаньси с улыбкой посмотрел на дворецкого, который шел с легкой походкой и улыбкой на лице. Этот всегда сдержанный и степенный старик редко проявлял такие эмоции, казалось, он был взволнован и даже немного торопился. Тань Хуаньси тихо рассмеялся:

— Дядюшка Чжао, сегодня случилось что-то хорошее?

Дворецкий на мгновение замер, затем с легким смущением потер нос, но улыбка не исчезла с его лица:

— Молодой господин, хорошее случилось не со мной, а с вами. Могу вас заверить, что на завтрашнем банкете вы будете самым ярким человеком.

— О? — Тань Хуаньси вопросительно поднял бровь, заинтересовавшись.

Дворецкий улыбнулся и не стал говорить больше. Сюрприз теряет смысл, если его раскрыть заранее. Лучше, чтобы молодой господин сам все увидел. Он провел Тань Хуаньси на второй этаж, прошел длинный коридор и остановился у двери в конце, постучав и почтительно произнес:

— Господин, молодой господин пришел.

— Войдите! — из комнаты раздался бодрый голос старика.

Дворецкий тут же открыл дверь и посторонился, пропуская Тань Хуаньси:

— Молодой господин, прошу!

Тань Хуаньси вошел в комнату, с любопытством осматривая обстановку. Вся комната была заполнена десятками дорогих скрипок. Это была, очевидно, самая ценная коллекция старика. В воспоминаниях этого тела он знал, что старик очень дорожил этой комнатой и не позволял никому входить без разрешения. Даже прежний хозяин за двадцать лет бывал здесь лишь несколько раз.

— Дедушка, — Тань Хуаньси остановился и поздоровался.

— Пришел... — старик положил скрипку, которую держал в руках, и позвал Тань Хуаньси к себе. Когда тот подошел, он повернулся к стене, отодвинул один из шкафов, и за ним оказалась

еще одна дверь. Он открыл ее и вошел:

— Хуаньси, иди за мной.

Тань Хуаньси улыбнулся. В этой коллекции был еще и секрет. Но коллекция старика действительно впечатляла. Каждая скрипка здесь была бесценной, а несколько из них были созданы величайшими мастерами мира, что делало их еще более ценными.

Тань Хуаньси вошел во внутреннюю комнату. Интерьер был тщательно продуман, и сразу было видно, как сильно хозяин ценил свои сокровища. Он смотрел, как старик достал запертый ящик, ввел несколько кодов и вынул из него старинную скрипку. Его глаза расширились от удивления:

— Страдивари?

Даже будучи готовым к тому, что старик приведет его в коллекцию и впервые позволит войти во внутреннюю комнату, чтобы показать что-то важное, Тань Хуаньси все равно был потрясен. В его воспоминаниях он знал, что у старика была ценная скрипка, которую он редко показывал. Даже прежний хозяин видел ее лишь однажды в детстве.

В молодости старик был всемирно известным скрипачом, и у него была скрипка, которую он никогда не выпускал из рук. Он ценил ее больше своей жизни.

Когда Тань Хуаньси был маленьким, старик гладил его по голове и говорил, что эта скрипка — его лучший друг, который сопровождал его в самые одинокие моменты и помогал покорять самые яркие сцены. Если бы не она, не было бы его самого. Именно этот друг принес ему величайшую славу и достоинство.

— У нее есть красивое и трогательное имя — Black Diamond!

— Черный алмаз...

<http://bllate.org/book/16668/1528418>